

Текст:
Алексей Нагаев
Фото:
Алексей Нагаев,
Мария Гаврило,
Михаил Иванов

КСТАТИ О ПТИЧКАХ

ЕСЛИ ВЫ ДУМАЕТЕ, ЧТО ВСЕ ЧАЙКИ — БЕЛЫЕ, ТО СИЛЬНО ЗАБЛУЖДАЕТЕСЬ. БЕЛЫХ ЧАЕК НА ЗЕМЛЕ ВСЕГО НЕСКОЛЬКО ТЫСЯЧ, И ОБИТАЮТ ОНИ ИСКЛЮЧИТЕЛЬНО НА ОСТРОВАХ ПОЛЯРНЫХ АРХИПЕЛАГОВ, ТАКИХ КАК ШПИЦБЕРГЕН, ЗЕМЛЯ ФРАНЦА—ИОСИФА, СЕВЕРНАЯ ЗЕМЛЯ. НАШ КОРРЕСПОНДЕНТ ОТПРАВИЛСЯ С ГРУППОЙ ОРНИТОЛОГОВ НА 80-Й ГРАДУС СЕВЕРНОЙ ШИРОТЫ, ЧТОБЫ ВСТРЕТИТЬСЯ С ЭТОЙ РЕДКОЙ ПТИЦЕЙ.

СТР. 050–055

САМАЯ СЕВЕРНАЯ ПТИЦА

Белая чайка — птица-рекордсмен. Это единственная птица в Северном полушарии, которая, подобно императорскому пингвину, может гнездиться на морском льду. Ее можно встретить там, куда не способна долететь больше ни одна птица в мире.

Вне сезона размножения белые чайки кочуют, достигая на севере 88–89 градуса северной широты (это всего 200 км от Северного полюса), а на юге — до Камчатки в Тихом океане и до Лабрадора в Атлантическом. За время перелета от своего гнезда до места зимовки эта небольшая птица наматывает в поисках корма до 50 000 километров.

На гнездовье белая чайка связана с берегами арктических островов, у которых долго держится, не тая, припайный лед. Основной корм чайки добывают самостоятельно в море — ловят сайку (полярную треску) и разнообразных рачков. Впрочем, иногда могут прихватить и падаль, остатки жертв белого медведя, экскременты тюленей, моржей и выброшенных морем морских животных. Все эти «лакомства» белая чайка ищет на берегу или льду, потому что очень не любит садиться на воду. Если приходится, добычу с воды схватывает с лету.

Количество белых чаек на планете равно количеству белых медведей, немногим более 10 тысяч пар. Это самая малочисленная полярная морская птица и самая малопродуктивная — откладывает лишь 1–2 яйца, да и то не всякий год.

В условиях меняющегося климата и тенденцией к сокращению площади морских льдов в Арктике белая чайка, чье существование в течение всего жизненного цикла связано с ледовыми ландшафтами, оказалась под угрозой.

Камеры, нацеленные на колонию птиц, окружает деревянная ограда с гвоздями: защита от белых медведей

ИЗ ЛЮБВИ К ЧАЙКЕ

Несколько лет назад ученые разных стран объединились под эгидой проекта «Белая чайка», призванного изучать и защищать редкую птицу.

Орнитологи, которых объединил проект, работают в разных организациях. Руководит проектом сотрудник института Арктики и Антарктики (ААНИИ) Мария Гаврило.

В процессе развернувшихся исследований, организационно-техническую помощь в которых осуществляли ААНИИ, ФПС и авиация ФСБ, исследователями была доказана исключительная важность российской Арктики для поддержания и выживания мировой популяции вида. Выяснилось, что на фоне современной теплой эпохи именно Центрально-Сибирский сектор высокоширотной Арктики предоставляет оптимальные условия для размножения белой чайки и откорма птиц перед миграцией к зимовкам.

Я познакомился с Марией Гаврило и ее коллегами — Михаилом Ивановым и Андреем Волковым в 2007 году на борту научно-экспедиционного судна «Академик Федоров». Тогда с помощью вертолета их группа была высажена на остров Хейса, где занималась исследованиями миграций белой чайки с применением спутникового мечения. Эта технология, основанная на применении миниатюрных радиочипов и являющаяся огромным шагом вперед в сравнении с традиционным кольцеванием (с которым обычно и ассоциируется работа орнитолога), была впервые применена для морских птиц Арктики и подтвердила, что в наши воды после окончания гнездования прилетают птицы и со Шпицбергена, и из Гренландии: они не ленятся сделать для этого дополнительный крюк на пролет-

48 часов: орнитологи

ном пути длиной до 2000 километров.

Микрочип, установленный на спине птицы, позволяет отследить все ее маршруты, получить информацию о скорости, дальности и длительности полетов. Сопоставляя сигналы с нескольких маяков, исследователь получает возможность для обобщения.

В этом сезоне целью орнитологов стала Северная Земля. Задачей исследователей было попасть на архипелаг к началу лета, когда начинается гнездование, и установить аппаратуру для ведения автоматического мониторинга в колонии.

ДАЛЕКИЙ БЕРЕГ

Северная Земля — крайне труднодоступная территория. Только в конце лета вдоль ее низменных берегов изредка проходят оранжевые ледоколы. Так что единственный путь — по воздуху. А единственная «авиакомпания» — авиация ФСБ России. Предстоит лететь с пересадкой, попутными бортами, доставляющими на остров Средний личный состав и технические грузы на погранзаставу.

Теплое майское утро. Шереметьево. Орнитологи под крылом арктического «чебурашки» Ан-72 отдыхают в тенишке, набираясь сил. Над нами кружат залетевшие с канала им. Москвы чайки. Показываю на них рукой: «Может, ну ее, Арктику, а?! Смотрите — вот вам и чайки». Ребята заулыбались, а Маша презрительно хмыкнула... Но вот приехал экипаж, открылась рампа, зашумела ВСУ, мы стряхнули с себя напользшую было ленивую расслабленность, принялись таскать вещи.

В Воркуте обнаружился приличный контраст с московским климатом. Здесь зима еще не прекратила сопротивление: бодро сыпал снег, пряча повывлезавшие желто-бурые прогалины. Орнитологи перемещают свой скарб в нутро Ан-26. По плану, через четыре часа мы должны сесть в Норильске и еще через четыре — на острове Средний. Но в Арктике никогда не получается по плану.

Полет до Норильска прошел незаметно, но погода там оказалась мерзопакостной. Приехал заправщик. Сидим в самолете, чувствуя, как он раскачивается на ветру. Налетают снежные заряды, и кажется, что никакого аэропорта здесь нет. Выходить совсем не хочется, а надо. Нас пересаживают в вахтовку, предлагая взять только самое необходимое. Предстоит ночевка в Дудинке. На острове нет погоды. Птичники взгрустнули. Спускаемся по трапу, ветер пронизывает, снег струится и хлещет, как розгами. Идем через спецконтроль, лезем в теплый «Урал» и отправляемся в знаменитый енисейский порт.

Путь по бездорожью занимает целый час, но Дудинка на удивление встречает солнцем. Размещаемся в гостинице «Енисейские огни». Енисей еще скован синим льдом. Вдоль берега — отряд портовых кранов, как рыцари в старых и ржавых латах. «Дудинка — город моей надежды», «Город, где швартуются сердца» — это на словах. Идем по нему: многие дома давно утратили стекла, квартиры брошены. Дворец культуры превращен в развлекательный центр, по последней моде.

НА СЕВЕР

Утром снова преодолеваем бездорожье до Норильска. Хочется лететь. Опять спецконтроль. Отнимают два куска руды, подобранные под портовыми кранами, — а вдруг золото? Отсканированные, лезем в самолет.

Похоже, погода благоволит — идем на взлет. Под нами искрятся снега Таймыра. Винты вспарывают ледяной арктический воздух, пассажиры сонят по лавкам. Солнце печет.

Дудинка — порт в низовьях Енисея, крупнейший в Сибири

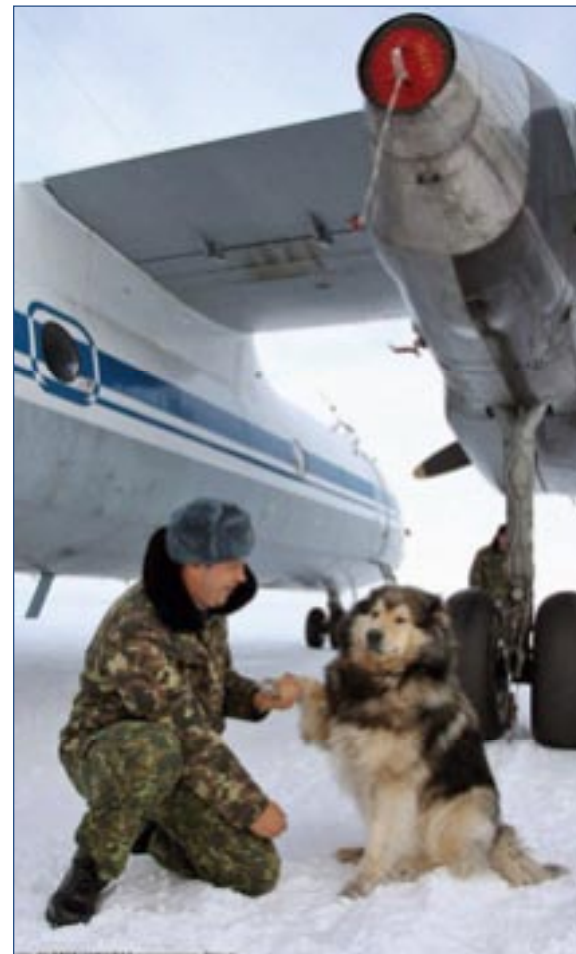

Чайки почти незаметны на фоне снега, что невероятно затрудняет фотосъемку

Исследователя Севера Георгия Ушакова похоронили на открытом им острове Домашний

НУЖНО РАЗВЕРНУТЬ
И НАСТРОИТЬ ВСЕ
ОБОРУДОВАНИЕ
В РЕКОРДНЫЕ СРОКИ:
САМОЛЕТ СТОИТ
ТОЛЬКО ДО УТРА

В первых рядах встречающих — совсем не грозные пограничные псы

По времени должны бы уже быть над проливом. Смотрю на свой «Гармин». О-па! Да мы развернулись, летим обратно! Делюсь «радостью» с птичниками. Весть распространяется по самолету, доходит до прапорщика Александра («фамилию не надо, мы на службе»). Подходит ко мне: «Что, правда назад летим?» Даже когда колеса коснулись бетона, он еще не верил. Вернулись... а что делать? — погода в Арктике непредсказуема. Особенно, если учесть, что метеостанций в высоких широтах у России почти не осталось. Впрочем через час снова запускаемся и начинаем путь на север. Никто уже не шутит...

В проливе Вилькицкого на удивление чистая вода. Но уже за 75-м градусом — сплошные ледовые поля. Хмуро. Снижаемся. Погода, по мнению КВСа, теперь вполне, даже на редкость: нижний край облаков — 350 метров, ветер стих. Вот и едва различимая белая полоса. Что бывает при попытке сесть в непогоду, наглядно иллюстрирует остров Ан-12 справа по курсу. Плавно касаемся, бежим. Прибыли!

Легкий морозец, штиль, пограничные лохматые псы ласкаются. За нами подъехал гусеничный вездеход «Тайга». Командир заставы, кажется, не слишком ошарашен нашим визитом. «Приказа не было». Обещает разместить, но кормить ему нас нечем. У нас, разумеется, все с собой, обедать пограничников никто не планировал. Да и нет времени на еду, орнитологи волнуются — ведь каждый час на счету.

Нужно успеть развернуть и настроить все оборудование в рекордные сроки. Самолет стоит до утра, и в нашем распоряжении остается всего лишь куцый остаток дня да ночь. Бросив вещи в казарме, опять лезем в вездеход и по морскому льду форсируем пролив, разделяющий острова Средний и Домашний.

ПТИЦУ ВИДНО ПО ПОЛЕТУ

Над гранитным обелиском, под которым спит последний первооткрыватель Георгий Ушаков, звучат голоса белых чаек.

Еще каких-то 80 лет назад о Северной Земле, названной своим открывателем Борисом Вилькицким Землей Николая II, не было известно ничего, кроме того, что она существует. В июле 1930 года Г. Ушаков вместе с Н. Урванцевым, В. Ходовым и С. Журавлевым на ледокольном пароходе «Георгий Седов» отправляется к берегам таинственной земли. За два года отважная четверка совершила невероятное: обследовала и нанесла на карту последний до того неизвестный крупный участок суши на Земле. Ушаков установил, что Северная

Дом четверки первооткрывателей превращен в самый северный в России мемориальный музей

Белый медведь — интересный и очень опасный гость

нокль или в телеобъектив отсюда. Ребята очень просили не мешать им своим присутствием, находиться поодаль, чтобы зря не волновать птишек.

На мою удачу несколько любопытных чаек сами подлетают практически к самому памятнику Ушакову, и мне удастся сделать пару кадров. А вот в полете «поймать» их очень трудно. Птица стремительная и даже не белая, она почти прозрачная. Контуры ее растворяются, сливаются с белесым арктическим небом.

МИШКИ НА СЕВЕРНОЙ

Пока мы с пограничниками грелись чаем на метеостанции и вели беседу с метеорологами, угощая их московскими конфетами с изображенным на фантике «мишкой на севере», орнитологам нанесли визит мишки настоящие. Ребята попробовали отпугнуть их грохотом металлических предметов, барабана по алюминиевому ящику, набитому инструментом (способ, рекомендуемый специалистами по косолапым), но никакого

впечатления на мишек этот концерт не произвел.

Пришлось Мише отгонять своих тезок с помощью ракетницы и резиновых пуль. Появление медведей в районе колонии считать случайным нельзя, скорее оно закономерно, ведь Домашний лежит прямо на медвежьей тропе между островами архипелага и польнейей на северо-востоке Карского моря.

Глубокой ночью, уже изрядно уставшие и голодные, паркуемся в периметре корпусов заставы у мостков, к которым причаливает вездеход. Солнце здесь уже не заходит, просто спускается пониже к горизонту — настал полярный день, но вся застава, кроме дежурного, спит, на окнах глухие черные занавески. На часах полчетвертого.

Идем по скрипучим мосткам, а навстречу опрометью бежит боец: «Тсс! Тише, тише! Медведь пришел!» Усталость как рукой сняло. Обогнув казарму, врываю взгляд в контейнер. Ну? Где же? И тут из-за ржавого угла, как из-за театрального занавеса высовывается медвежий нос, появляется морда, а следом выходит и весь медведь целиком. Красавец! Весь лоснится! Шерсть чистая, белая.

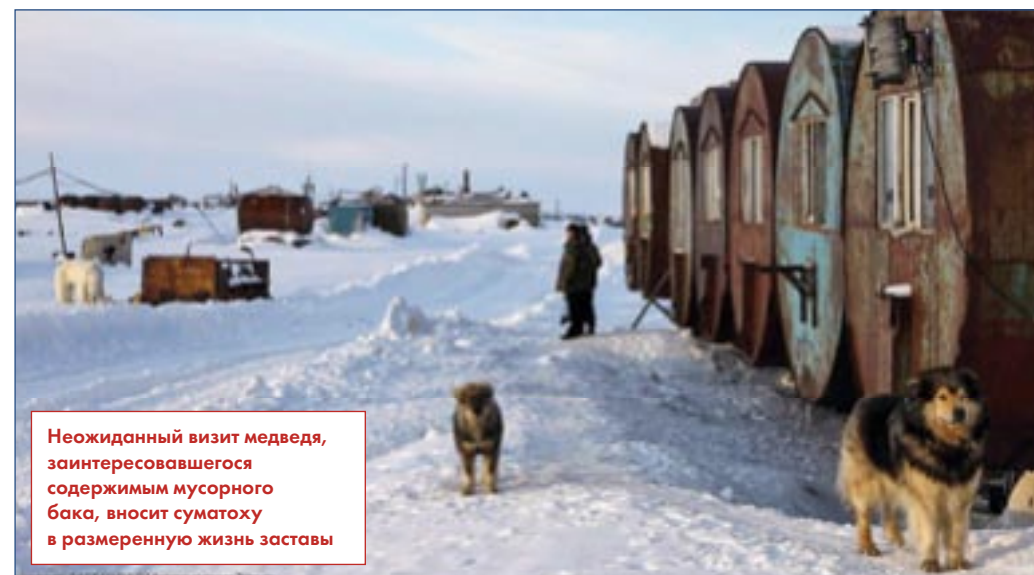
Спокойно созерцать нету сил: рука сама тянется к фотоаппарату, палец ложится на спуск, а ноги идут вперед (снять-то хочется покрупнее!).

Сопровождающие меня пограничники, поправив автоматы, сочувственно смотрят, но явно не разделяют моего восторга от встречи. Медведь, видно, очень голодный, раз пришел на заставу. Таяние льда еще не началось, и мишки сидят на голодном пайке, поскольку, чтобы добыть нерпу или рыбу, нужна польня. Вокруг медведя бегают пограничные псы. Внимания на них он не обращает ни малейшего. Они же не решаются проявить себя лаем или иным неуважительным способом.

Фотосъемка заканчивается, едва начавшись. Видимо, доложили. Сам начальник заставы здесь! «Ты что делаешь?! Тут тебе не зоопарк! Он ведь имени твоего не спросит! И прыжок, чтоб ты знал, у него 12 метров с места!» Чувствую себя виноватым, но прошу не сердаться: для меня визит медведя — удача, так близко я их еще не видел. До вылета остается пара часов, спать уже нет никакого смысла. Напившись крепкого чая, жду, когда поедем забирать ребят. Глаза слипаются. Терплю. Наконец под окном затарахтел дизель. Пора!

Маневрируя среди торосов, пересекаем пролив. Птичники устали как черти, но довольны: успели и камеры установить, и произвести наблюдения за поведением птиц, и окольцевать дюжину. Отзываются недобрый словом об отнявших полтора часа косолапых.

Капризная погода портится на глазах, начинается метель. Спешим к самолету. Всю долгую обратную дорогу орнитологи храпят на рюкзаках, провалившись на самое дно сна. А их камеры на далеком берегу отщелкивают кадр за кадром. ■

Неожиданный визит медведя, заинтересовавшегося содержимым мусорного бака, вносит суматоху в размеренную жизнь заставы

Орнитологи обсуждают результаты исследований

СОЛНЦЕ ЗДЕСЬ УЖЕ НЕ ЗАХОДИТ, ПРОСТО СПУСКАЕТСЯ ПОНИЖЕ К ГОРИЗОНТУ — НАСТАЛ ПОЛЯРНЫЙ ДЕНЬ